

ГЕГЕЛЬ В ЗЕРКАЛАХ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Андрей Дмитриевич Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия
caute@yandex.ru <http://orcid.org/0000-0003-2061-3878>

Аннотация. Отношение к Гегелю в советской философии было противоречивым и в значительной степени зависело от идеологической конъюнктуры. Волны любви и ненависти к нему периодически чередовались. В разное время акцент ставился то на «революционный» метод, диалектику, то на «реакционную» систему, оправдание старого мира. В.И. Ленин на одной странице восхищался логическими открытиями Гегеля, на следующей — бранил его площадными словами за идеализм, мистику и «боженьку». В статье проводится параллель между стилистикой философских творений Ленина и авангардистов — художников и поэтов, отвечивавших «пощечины общественному вкусу». Философия становится у Ленина служанкой политики; в дальнейшем «принцип партийности» превратится в кредо марксистской догматики и критерий истинности философских учений. «Гегельянское» крыло в советском марксизме образовалось в 1920-е гг. Предводитель партии «диалектиков», А.М. Деборин, инициировал издание Собрания сочинений Гегеля, выходявшего с большим и малыми перерывами в течение 30-ти лет (последний 15-й том так и не смог увидеть свет). После разгрома деборинцев в 1931 г. популярность Гегеля постепенно снижалась. Появлялись, впрочем, и оригинальные исследования, окрашенные любовью к Гегелю. Для создания культурно-исторической психологии Л.С. Выготский воспользовался гегелевскими понятиями «опосредствования» и «хитрости разума»; он считал, что Гегель «хромая шёл к правде». М.А. Лифшиц увидел в Гегеле «великого консерватора человечества», а приехавший в Советский Союз Г. Лукач написал здесь своего «Молодого Гегеля» и защитил эту книгу в качестве докторской диссертации (1942). Внимание Лифшица и Лукача концентрируется на «исторической диалектике» Гегеля, на осмыслении им революционных событий своей эпохи. К концу Великой Отечественной войны философия Гегеля была объявлена «аристократической реакцией на французскую революцию» (Сталин), и ненависть к Гегелю сделалась рефлексорной. Партию гонителей «гегельянщины» возглавил профессор МГУ З.Я. Белецкий. Он видел в ней «поповщину», которую, как и все прочие идеалистические учения, надлежит изучать в курсе истории религии. Лишь после смерти Сталина смогли возобновиться серьёзные исследования философии Гегеля. Э.В. Ильенков трактовал диалектику как «метод восхождения от абстрактного к конкретному» и прослеживал,

как этот — материалистически переосмысленный — метод работает в «Капитале» Маркса. Категорию конкретного, понимаю как «многообразие, сросшееся в единство» (И.А. Ильин), выдвинули на первый план ещё неогегельянцы; в этом отношении с ними был вполне солидарен В.И. Ленин. Параллельно с европейскими марксистами Ильенков критиковал интерпретацию диалектики как всеобщей картины мира, новой метафизики, которую культивировали «диамат» и «истмат». Он, однако, не разделял антигегельянские настроения школ Г. делла Вольпе и Л. Альтюссера. Гегель для Ильенкова — величайший революционер в логике со времён Аристотеля. В конце работы приводятся факты, свидетельствующие, что интерес к «советскому Гегелю» сохраняется и в наши дни.

Ключевые слова: советский марксизм, диалектика, идеализм, конкретное, революция, гегельянщина, патос

Благодарности: Статья написана по материалам пленарного доклада на XXXII Международном Гегелевском конгрессе (Тампере, 5–8 июня 2018).

Для цитирования: Майданский А.Д. Гегель в зеркалах советской философии // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 4. — С. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-8-20>

Research article

HEGEL IN THE MIRRORS OF SOVIET PHILOSOPHY

Andrey D. Maidansky

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

caute@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2061-3878>

Abstract. The attitude to Hegel in Soviet philosophy was contradictory and depended to a considerable extent on ideological conjuncture. Waves of love and hate for Hegel alternated periodically. At different times emphasis was placed on the “revolutionary” method, dialectics, or on the “reactionary” system, the justification of the old world. On one page Lenin admired Hegel’s logical discoveries, on the next page he scolded him with harsh words for idealism, mysticism and “goddikin”. The article draws a parallel between the stylistics of Lenin’s philosophical works and the avant-garde artists and poets who gave a “slap in the face” to public taste. Philosophy becomes in Lenin’s hands the servant of politics; later on, the “principle of partisanship” became the credo of Marxist dogma and the criterion of the truth of philosophical doctrines. The Hegelian wing of Soviet Marxism was formed in the 1920s. The party leader of the “Dialecticians”, Abram Deborin, initiated the publication of Hegel’s Collected Works, which was published with a number of large and small interruptions over the course of 30 years (and the last, 15th volume never saw the light of day). After the defeat of the Deborinites in 1931, Hegel’s popularity gradually declined. However, some original studies coloured by love for Hegel appeared. Vygotsky used Hegelian concepts of “mediation” and “cunning of reason” to create a cultural-historical psychology; he believed that Hegel “walked lamely to the truth”. Mikhail Lifshits regarded Hegel as a “great conservative of mankind”, and Georg Lukács, who came to the Soviet Union, wrote his famous *Young Hegel* here and defended this book as his doctoral thesis (1942). Lifshits and Lukács concentrate on Hegel’s “historical dialectic” and on his com-

prehension of the revolutionary events of his epoch. By the end of the Great Patriotic War, Hegel's philosophy had been declared an "aristocratic reaction to the French Revolution" (Stalin), and hatred of Hegel became reflexive. The party of persecutors of "Hegelianshchina" was led by Zinovy Beletsky, Professor at Moscow State University. It was only after Stalin's death that serious research into Hegel's philosophy could be resumed. E. V. Ilyenkov interpreted dialectics as "the method of ascent from the abstract to the concrete" and traced how this — materialistically reinterpreted — method works in Marx's *Das Kapital*. It was Neo-Hegelians who brought to the fore the category of the concrete, understood as "diversity fused into unity" (Ivan Ilyin); in this respect, Lenin was in full solidarity with them. In parallel with European Marxists, Ilyenkov criticised the interpretation of dialectics as a universal picture of the world, a new metaphysics cultivated by "diamat" and "istmat". He did not, however, share the anti-Hegelian sentiments of the schools of G. della Volpe and L. Althusser. For Ilyenkov, Hegel is the greatest revolutionary in logic since Aristotle. At the end of the article are the facts showing that interest in "Soviet Hegel" is still alive today.

Keywords: Soviet Marxism, dialectics, idealism, concrete, revolution, Hegelianism, pathos

Acknowledgements: The article is based on the materials of the plenary lecture at the XXXII International Hegel Congress (Tampere, 5–8 June 2018).

For citation: Maidansky, A. D. (2023) 'Hegel in the Mirrors of Soviet Philosophy', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(4), pp. 8–20. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-8-20>

Былая страсть лежит на смертном ложе,
И новая на смену ей пришла.
У. Шекспир

У русских революционных демократов отношение к Гегелю всегда было двойственным. Его философия представлялась им парадоксальным сочетанием «великого и ничтожного», «прогрессивного и реакционного», рабской апологией настоящего и, одновременно, «алгеброй революции». В советское время, в зависимости от идеологической конъюнктуры, на первый план выдвигалась то одна, то другая из этих сторон. Гегель по-прежнему вызывал сильные и противоречивые чувства.

Сначала была любовь. Романтической, правда, эту любовь не назовёшь — слишком много критических оговорок.

В.И. Ленин начинал читать Гегеля — Большую и Малую Логику — ещё в сибирской ссылке в конце 1890-ых гг. Однако в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) следы тех первых штудий практически не видны. Имя Гегеля эпизодически упоминается, но нет ничего тако-

го, что выходило бы за рамки популярных энгельсовских писаний о «конце классической немецкой философии».

Читая Гегеля, материалист, по словам Ленина, должен уметь извлекать «жемчужное зерно» диалектики из «навозной кучи абсолютного идеализма» [Ленин, 1968: 256]. Занимаясь такого рода раскопками, Ленин особенно хвалит Фейербаха за то, что он «универсально выкинул вон, абсолютно удалил прочь абсолютную идею» [Ленин, 1968: 244]. Опровержение этой «теологической выдумки идеалиста Гегеля» не составляет трудности: идей без человека с его мозгом не бывает. Шах и мат вам, профессор. «Божеской стала у Гегеля обыкновенная человеческая идея, раз её оторвали от человека и от человеческого мозга» [Ленин, 1968: 238–239]. Долой «боженьку» и с ним — весь «архипошлый идеалистический вздор»!

Гротескно-агрессивный стиль философских творений Ленина напоминает полотно русских авангардистов или «Манифест футуризма» Маринетти (того же 1909 г.). Все эти революционеры намеренно ломали канон и эпатировали публику. Как и

футуристы, Ленин стремился разрушить старый мир и воспевал мир будущий, в котором технический прогресс сделает человеческий труд свободным и «каждая кухарка» сможет управлять государством — пока оно вовсе не «отомрёт».

Философию Ленин превратил в прямое продолжение политики, и принялся швырять лексические бомбы в лагерь «буржуазной философии», формулируя своё кредо совершенно открыто: «Беспартийные люди в философии — такие же безнадежные тупицы, как и в политике» [Ленин, 1968: 303]. Ленинский «воинствующий материализм» (или, правильнее сказать, «философский терроризм») будет служить примером для подражания в течение всего советского времени.

Другой портрет Гегеля Ленин начал писать в год, когда началась Мировая война. Он штудирует не только «Науку логики», Лекции по истории философии и по философии истории, но и современную «новогегельянскую» литературу. На первом месте по-прежнему партийный интерес. Ленин выискивает у Гегеля аргументы для битвы с кантианцами и позитивистами.

При этом Ленин не устаёт разоблачать «мистику» и яростно защищать материализм. Так, он буквально свирепеет от гегелевской критики в адрес Эпикура: «Вздор! ложь! клевета!», — пишет он на полях. Отклик Ленина на слова Гегеля о том, что в эпикурейском мире «нет мудрости творца»: «бога жалко!! сволочь идеалистическая!!» [Ленин, 1969: 267].

В гегелевской «Логике» Ленина особенно привлекает принцип конкретности, в котором он усматривает «дух и суть диалектики» [Ленин, 1969: 91]. В этом отношении Ленин солидарен с неогегельянами, такими как Джеймс Стёрлинг и Бенедетто Кроче. В 1918 г. в Москве выйдет двухтомник И.А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» [Ильин, 1918]. Ленин знакомится с книгой в разгар гражданской войны и, по ряду свидетельств, оценивает её очень высоко — несмотря на «боженьку» в заглавии.

Углублённое чтение Гегеля в Мировую войну благотворно сказалось на качестве философской мысли Ленина. Он загово-

рил об «умном идеализме» и открыл, что «нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» [Ленин, 1969: 162]. Последнее восклицание, несомненно, следует отнести и к автору «Материализма и эмпириокритицизма». Ленин фактически сознаётся, что в пору своей битвы с махистами он, как и все остальные марксисты, не вполне понимал главный труд Маркса. О понимании же философии Гегеля и говорить не приходится: Ленин одолел всю Логикку лишь в конце 1914 г.

В последние годы жизни Ленин призывал «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения» [Ленин, 1970: 30]. Такую задачу он ставит перед редакцией нового журнала «Под знаменем марксизма».

«Мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически... Группа редакторов и сотрудников журнала “Под Знаменем Марксизма” должна быть, на мой взгляд, своего рода “обществом материалистических друзей гегелевской диалектики”» [Ленин, 1970: 30].

Философское завещание Ленина было напечатано в третьем номере журнала (март 1922). В следующих 16-ти номерах мы не находим, однако, ни одной (!) статьи о Гегеле. В центре внимания — пламенные материалисты Фейербах, Дидро и Плеханов.

Наконец, с августа 1923 г. печатается, тремя частями, программная статья А.М. Деборина «Маркс и Гегель» [Деборин, 1923а; 1923б; 1924]. В ней впервые в советской философии предлагается развёрнутое марксистское прочтение Логике Гегеля. Статья написана в академической манере, в ней сравнительно мало идеологических штампов и никакой брани. Нельзя назвать деборинское прочтение глубоким и оригинальным, но это — вполне добротное введение в гегелевскую Логикку.

Вскоре Деборин станет главным редактором журнала «Под знаменем марксизма», академиком и директором Институ-

та философии. До 1930 г. он был вождём партии «диалектиков», самой влиятельной персоной на советском философском Олимпе, пока Сталин не положил конец его карьере. Почти все ученики и соратники Деборина погибли в Гулаге. Сам он уцелел, но печататься больше не мог, а его книги были изъяты из обращения.

Деборин успел начать издание Собрания сочинений Гегеля. К этому времени имелся всего один хороший русский перевод, который выполнил Н.Г. Дебольский — «Наука логики» [Гегель, 1916].

Что касается «Энциклопедии философских наук», то её русское издание 1861–1868 гг., подготовленное В.П. Чижовым, трудно назвать переводом. Это была скорее адаптация гегелевского текста, с большими купюрами, а перевод части второй — «Философии природы» — попросту не был окончен.

После этого Гегель не переводился на русский около полувека, пока накануне войны не вышла «Феноменология духа» [Гегель, 1913]. Книгу переводили пять выпускниц Высших женских курсов под руководством своего наставника Э.Л. Радлова. Одна из них, Е.Д. Аменицкая, написала внушительных размеров Предисловие, в коем доказывала «жизненность философии Гегеля» вопреки господствующему ныне предубеждению материалистов с позитивистами и «безнадёжной точке зрения» С.Н. Трубецкого.

Деборин принял решение — из соображений «педагогических и систематических» — поместить в первых трёх томах Собрания сочинений Гегеля «Энциклопедию философских наук». В редакционном Предисловии выражалась надежда завершить издание его Собрания за три года. Дело, однако, растянулось на полных тридцать лет (1929–1959). Из семи переводчиков лишь одному, П.С. Попову, посчастливилось пройти эту тропу до конца. Он перевёл том 14-й, ставший последним.

Деборин курировал издание первого тома (вскоре ему стало уже не до Гегеля). Его вступительная статья, «Гегель и диалектический материализм», изобилует ссылками на трёх основоположников марксизма и Фейербаха. В редакционной

преамбуле дана суровая партийная оценка Предисловию Гегеля ко второму изданию Малой логики: «Оно имеет очень отдалённое отношение к логике и носит по существу чисто богословский характер» [Гегель, 1930: X]. Поэтому, пишут редакторы, «мы позволили себе маленькую вольность», передвинув неблагонадежное Предисловие в самый конец тома (с плохо скрываемой надеждой, что рядовой советский читатель утомится и бросит книгу прежде, чем доберётся до этой крамолы).

Настали другие времена. Философия окончательно превратилась в служанку политической идеологии и оружие в схватке за власть. Всерьёз штудировать Гегеля стало небезопасно. Деборина рьяно атаковали питомцы руководимого им Института Красной профессуры. Получившим скромное образование детям рабочих и крестьян не нравилось, что их заставляют вгрызаться в тексты Гегеля, которые они просто не в состоянии были понять.

Рассуждали молодые профессора философии примерно так. Если Маркс уже *превозмог* Гегеля, поставил его «с головы на ноги» и очистил диалектику от «мистической шелухи», то зачем же *сегодня* нас заставляют опять возвращаться к Гегелю? Не хочет ли тов. Деборин (к слову, бывший меньшевик) тем самым оторвать философию от практики социалистического строительства и помешать философскому осмыслению злободневных политических проблем? Сталину этот ход мысли чрезвычайно понравился и он благословил молодёжь на войну с «гегельянщиной».

Это ленинское словцо, «гегельянщина», превратилось в убийственный политический ярлык. Его навешивают на профашистски настроенных неогегельянцев — Джованни Джентиле, Юлиуса Биндера, Ивана Ильина, с одной стороны, и — на партию Абрама Деборина, с другой.

Год спустя после разгрома деборинцев, к столетию со дня смерти Гегеля, выходит коллективная монография «Гегель и диалектический материализм» (1932). Авторы явно стремились задать новый тренд в советском гегелеведении. Пора любви к Гегелю миновала, но ещё сохраняются ритуальные жесты уважения к нему как к предтече

Маркса. Ведь в Предисловии к «Капиталу» автор открыто объявил себя «учеником этого великого мыслителя».

Главный акцент делается на партийной борьбе за идейное наследие Гегеля. «Пусть идеологи контрреволюционной буржуазии, попы, фашиствующие катедер-философы, социал-фашисты и меньшевистствующие идеалисты¹ жуют и пережевывают гегельянщину, абсолютную идею, боженьку, идею буржуазного государства, права и т.д. — движение чистых, “диалектических”, “конкретных” мыслей, — диалектические материалисты, последователи марксизма-ленинизма, знают, что гегельянщина мертва, не воскреснет» [Ральцевич, 1932: 122]².

Первые Гегелевские конгрессы в Гааге (1930) и Берлине (1931) вызывают у авторов сборника острейшую ненависть. Советская делегация подала заявку на участие в берлинском конгрессе, однако заявка была отклонена. Руководители Гегелевского союза (Hegelsbund), в свою очередь, терпеть не могли марксистов. «Было бы абсурдно искать гегелевское учение о чистом духе в материалистическом бездушии марксизма», — заявил на конгрессе Георг Лассон³.

В обзорной статье М. Митина конгресс именовался «религиозно-фашистской демонстрацией», которая стала «зеркалом, отразившим кризис, разложение, маразм, старческую слабость и полную импотентность буржуазной науки» [Митин, 1932: 75–76].

Похабная лексика и личные оскорбления становятся нормой в советской философии вообще и в трудах о Гегеле, в частности. Новым классиком мировой философии объявляется Сталин — «лучший ученик Ленина, величайший материалист-диалектик нашей эпохи» [Митин, 1932: 96].

Годом позже выходит книга М. Аржанова «Гегельянство на службе германского фашизма» (1933). Она написана уже после прихода Гитлера к власти. Ключевая мысль Аржанова: сдвиг философской моды от Канта к Гегелю, случившийся на рубеже веков, отражает политико-экономическую эволюцию буржуазного общества. Если неокантианство было философией «классического капитализма», то неогегельянство — философия империализма и фашистского милитаризма. Гегелевская идея «конца истории» — предчувствие грядущей кончины буржуазной цивилизации. «Умирающий капитализм поднимает в качестве своего идеологического знамени всё реакционное и гнилое из своего прошлого и из всего прошлого человечества, в том числе и реакционные взгляды Гегеля» [Аржанов, 1933: 4].

На общем фоне деградации философских исследований в Советском Союзе всё же появляются и первые ростки творческого осмысления гегелевских идей.

Создатель культурно-исторической психологии Л.С. Выготский то и дело апеллирует к Гегелю, пользуется его логическим аппаратом. Выготского раздражают бесконечные попреки в идеализме в адрес немецкого философа. «Гегель идеалист, об этом воробьи кричат с крыш... Есть проблемы, до которых нельзя долететь, но надо дойти, хромая... Гегель, хромая, шёл к правде» [Выготский, 1982: 336]. А вот марксистская психология топчется на месте. У неё вообще нет работающей методологии психологического исследования. Марксисты ищут «готовую формулу психики в чужих сочинениях» да выносят «приговоры с высоты Гегеля», от имени диалектики, вместо поиска *конкретных* решений научных проблем, замечает Выготский.

¹ Сталинская характеристика Деборина и его сторонников. Они обвинялись в «сближении диалектического материализма с идеалистической диалектикой Гегеля» и «недооценке ленинского этапа в развитии философии» (Деборин даже посмел назвать Ленина учеником меньшевика Плеханова в области философии). Отсюда — ярлык «меньшевистствующие идеалисты».

² Автор этой статьи, Василий Ральцевич, будет репрессирован и расстрелян несколькими годами позже.

³ Слова приведены без ссылки на источник в статье: [Пашуканис, 1932: 215].

«Инструментальная психология» Выготского второй половины 1920-х гг. на первый план выдвигает категорию опосредствования (*Vermittlung*). Все высшие формы психической деятельности, отличающие людей от животных, опосредствуются искусственно созданными орудиями и знаками. В такого рода опосредствующей деятельности и состоит, по Гегелю, «хитрость разума» (*List der Vernunft*).

«Понятию опосредования Гегель придал с полным основанием наиболее общее значение, видя в нём самое характерное свойство разума. Разум, говорит он, столь же хитёр, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, всё же осуществляет лишь *свою собственную цель*» [Выготский, 1983: 89].

Одновременно с Выготским обращается к Гегелю молодой Михаил Лифшиц. Он стремится понять *логику революции* в современной культуре.

Свои первые работы по «исторической диалектике» Гегеля Лифшиц написал ещё в 1931 г. (пару лет спустя эта тема войдёт в моду на Западе благодаря лекциям русского эмигранта Александра Кожева). Элегантный литературный стиль Лифшица абсолютно нетипичен для советского философа той эпохи. О гегелевских конгрессах он пишет вдумчиво и совершенно спокойно, а прения «красных профессоров» о Гегеле не замечает вовсе.

«Гегель в освещении Деборина и его школы был малоинтересным, абстрактно мыслящим школьным философом», — вспоминал впоследствии Лифшиц. У тогдашних иерархов марксизма «произошла как бы амортизация гегелевской философии, так что от неё осталась только некая схема логических категорий... Наш интерес к Гегелю носил совершенно другой характер. Для нас в учении немецкого мыслителя важно было его реальное содержание и глубоко трагическое отношение к событиям Французской революции и послереволюционной эпохи» [Лифшиц 2012а: 84].

В своё время Белинский перелицевал гегелевскую «идею» в понятие «патоса», выражающее объективную силу исторических обстоятельств. Лифшиц вливает «патос» в марксизм. «Так вот, если не найти этого “патоса”, который стоит в реальной действительности за каждой мыслящей головой, нельзя понять и ситуацию, орактором которой является автор, нельзя понять даже частные моменты его деятельности» [Лифшиц, 1988: 270].

Социалистическая революция представлялась Лифшицу столкновением двух извечных «патосов» — анархической страсти к разрушению старого мира, «всеобщему уравнительному промискуитету», с одной стороны, и силы самосохранения культуры — с другой. «В умах миллионов людей, разбуженных падением тысячелетнего рабства, бакунинская страсть к разрушению столкнулась с хранительной силой Герцена» [Лифшиц, 2015: 460].

Такой *патетический* взгляд имеет мало общего с материалистическим пониманием истории. Больше сходства с бинарной мифологией, которую сам же Лифшиц и критиковал. Он видит в истории драму идей и страстей, не вдаваясь в серьёзный анализ стоящих за ними производственных отношений и не пытаясь выводить новые формы общественного сознания из развития экономической жизни людей. Это скорее взгляд художника и эстетика *ex professo*. «История — великая поэтесса, пишущая свои трагикомедии железом и кровью» [Лифшиц, 2012b: 147].

Гегель, по Лифшицу, — представитель силы хранительной, «великий консерватор человечества». Лифшиц всеми силами подчёркивает неприятие Гегелем абстрактной революционности и «дурной» новизны, лишённой всеобщего содержания. Не голое отрицание, но *конкретное снятие* всех накопленных Мировым духом богатств, — такова генеральная установка философии Гегеля.

В «Науке логики» Лифшиц усматривал кристаллизованный опыт Великой Французской революции. «Категории логики — это формы, в которых отвердевает раскалённая лава революционных событий» [Лифшиц, 2012b: 62]. «Большая логика»

Гегеля является системой категорий, которую Гегель ясно представлял себе как развитие «нового принципа», утверждённого Французской революцией» [Лифшиц, 2012а: 85]. Пытаясь доказать свой тезис, Лифшиц прибегает к изощрённой экзегезе и чтению между строк.

Вместе с тем Лифшиц осуждает *философское термидорианство* зрелого Гегеля — мнимое примирение в «идее» противоположных общественных сил и интересов.

В 1930 г. в Советский Союз приезжает Георг Лукач, и в первый же день он знакомится с Лифшицем. Много лет спустя «Георгий Осипович» (так звали Лукача на русский манер) посвятит Лифшицу свою книгу «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» (1948). Книга эта была написана десятью годами ранее, в 1938 г., а в декабре 1942 г. Лукач защитил её как докторскую диссертацию в Институте философии СССР.

Как и его ближайший друг Лифшиц, Лукач уделяет главное внимание «исторической диалектике» Гегеля, его отношению к революционным событиям той эпохи, но опираясь на гораздо более обширный круг первоисточников. Речь у Лукача идёт не только о политической революции, но и о революции промышленной.

Тем временем над Гегелем снова сгустились тучи. Полгода спустя после защиты диссертации Лукача, на заседании дирекции Института философии, обсуждалась работа Зиновия Белецкого «Роль немецкой философии в подготовке Германии к мировому господству». Автор был парторгом Института и профессором МГУ, а значит фигурой весьма влиятельной. В его работе доказывалось, что Кант, Фихте и, особенно, Гегель — предтечи нацистской идеологии. Белецкий отказывался считать немецкий классический идеализм философским источником марксизма. «Идеализм в философии, — цитировал он Ленина, — есть более или менее ухищрённая защита поповщины» [Ленин, 1973: 118]. Следовательно, идеалистическую философию следует изучать в курсе *истории религии*, и она никак не может быть источником научно-атеистического мировоззрения, такого как

марксизм. Мистическая и антинаучная диалектика Гегеля была прямой противоположностью материалистической диалектики Маркса. Она служила политическим интересам прусского юнкерства, а теперь и фашистов... И так далее в том же духе.

Рецензенты, за исключением одного, расценили работу Белецкого как безграмотную и вредную. Плохо говоривший по-русски Лукач представил письменную отрицательную рецензию. «Ведь это простая ужас! А всё кричат, кричат», — восклицал в волнении Лукач [Философский факультет МГУ..., 2011: 377].

Демарш Белецкого не на шутку встревожил старую гвардию Института философии. Эти люди не забыли, как призрак Гегеля помог им свергнуть Деборина. А теперь им самим грозило обвинение в «гегельянщине». Вскоре Белецкий был уволен из Института. Формальная причина нашлась: он ничего не публиковал и не представил в срок докторскую (звание профессора Белецкий получил без защиты диссертации — как выпускник Института Красной профессуры).

Оскорблённый парторг написал письмо Сталину, полное ссылок на труды самого «тов. Сталина» и доносов на неблагонадежных коллег. Сталин поддержал Белецкого. В самом деле, стоит ли восхвалять немецкую философию во время Отечественной войны с немцами? Тем более — Гегеля, оставившего Россию и славянские народы за бортом всемирной истории. Сталин вообще недолюбливал гегелевскую Логикку с её тёмной премудростью. Ему больше нравилась логика формальная. После войны он повелел включить её в школьную программу.

Пригласив к себе в кабинет Белецкого и его противников, Сталин объявил свой вердикт: «Философия Гегеля — *это аристократическая реакция* на французскую революцию и французский материализм». Дискуссия была окончена. Никто не осмелился встать на защиту идеолога аристократии и контрреволюционера. Второе поколение философских властей лишилось своих постов из-за Гегеля. Хорошо, на сей раз обошлось без Лубянки и Колымы. Правда, автор главы о Гегеле в третьем

томе «Истории философии», Борис Чернышёв, попав под идеологический разнос, вскоре скончался от сердечного приступа.

Издание Собрания сочинений Гегеля было прекращено ещё до войны. Перевод «Феноменологии духа» (Густав Шпет) оказался погребён в письменном столе на двадцать лет; перевод «Философии духа» (Борис Фохт) — на десять. Эти два тома — третий и четвёртый — считались наиболее реакционными.

Реабилитация Гегеля началась практически сразу же после смерти Сталина. В это время взошла звезда Эвальда Ильенкова, ставшего лидером философской «оттепели» в Советском Союзе. В 1953 г., когда умер Сталин, Ильенков защитил кандидатскую и начал преподавать в МГУ. Он понимал философию как науку о мышлении и мыслях — как Логике (это слово он любил писать с заглавной буквы).

За пылкую любовь к автору «Науки логики» он получил прозвище «Гегельенков». Его друг Александр Зиновьев изобразил в стенгазете, как тёмной ночью Ильенков откапывает Гегеля из могилы, в которой его похоронили Сталин с Белецким.

В МГУ Ильенков вместе со своими студентами переводит «Молодого Гегеля». Они вступают в переписку с Лукачем, а тот направляет их к Лифшицу. Ильенков принимает участие в сверке и редактировании переводов «Философии духа» и «Феноменологии духа», затем совместно с А.В. Гулыгой пишет план заключительного, 15-го тома Собрания сочинений; в него должны были войти переписка Гегеля и его ранние работы, в том числе «Йенская реальная философия».

Особенно нравился Ильенкову памфлет «Кто мыслит абстрактно?». Он переводил и комментировал эту небольшую работу дважды, с разницей в 16 лет.

В отличие от Лифшица и Лукача, Ильенкова интересует, в первую очередь, гегелевский *метод восхождения от абстрактного к конкретному* (пользуясь выражением Маркса). Он разрабатывает материалистическую версию диалектики, сопоставляя Логике Гегеля с методом «Капитала».

Этой теме посвящена первая монография Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». Во время работы над ней, в 1955 г., Ильенков был изгнан из МГУ с клеймом гносеолога-гегельянца. Затем, когда книга была уже готова к печати, директор Института философии академик П.Н. Федосеев велел рассыпать набор. Тем временем рукопись оказалась на Западе, в миланском издательстве Feltrinelli, на пару с «Доктором Живаго». Ильенкова едва не исключили из партии, как «философского Пастернака». Книгу пришлось сильно сократить и переписать, убрав самые гегельянские места и критику формально-логического мышления. В окончательной версии имя Гегеля упоминалось вдвое реже, сузилось и заглавие книги: «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса» (1960).

В 1961 г. вышел её итальянский перевод с предисловием Лючио Коллетти. Он приветствовал обращение Ильенкова к логике «Капитала», рассматриваемой сквозь призму категорий абстрактного и конкретного. Этой проблематикой уже давно занимались итальянские марксисты школы Гальвано делла Вольпе. Они, однако, пытались очистить марксизм от пагубного влияния гегелевской диалектики, поэтому Коллетти огорчала любовь Ильенкова к Гегелю.

«Не столь ясной и глубокой, — пишет Коллетти, — представляется часть, посвящённая критике Гегеля, хотя и здесь Ильенков оказывается одним из наименее “гегельянских” среди нынешних советских диалектических материалистов, и одним из тех (это не парадокс), кто демонстрирует знание *Большой Логике* из первых рук» [Colletti, 1961: LVII–LVIII].

Ильенков критиковал интерпретацию диалектики как философской «теории всего» — всеобщей картины мира, покоящейся на трёх законах (как вариант, у Сталина — на «четырёх чертах»). Ту же антиметафизическую линию проводили итальянские марксисты, а затем — Альтюссер и его школа во Франции.

Однако, борясь против «гегельянщины», нельзя забывать о *собственно логических* открытиях Гегеля. Он совершил величайшую революцию в истории логики со времён Аристотеля. «Эта революция, хотя и оказалась единственной, на которую в то время смогли отважиться немцы, всё же дала плод, не менее ценный “для совершенствования рода человеческого”, чем все победы Наполеона» [Ильенков, 1962: 124].

Гегель гениален там, где он исследует *мир идей* — феномены духовной культуры, законы и категории мышления. Но как только он принимается за вещи *материальные*, его диалектика тотчас обращается в метафизику. «Там, где Гегель брался за натурфилософию, за философию истории — там он везде городил схемы, конструкции, не имеющие никакого значения для подлинного развития философии» [Ильенков, 2016: 210–211].

Несмотря на столь резкую критику в адрес Гегеля, обвинение в «гегельянщине» преследовало Ильенкова всю жизнь. Конечно, оно не имело уже таких суровых последствий, как в сталинские времена.

Ильенков трижды выступал с докладами на гегелевских конгрессах — в Зальцбурге (1964), Праге (1966) и Берлине (1970). На конгрессы в Париже и Антверпене его не пустили.

Десятый Гегелевский конгресс состоялся в Москве в 1974 г. Антигегельянец Альтюссер привёз двухтомник «Lire le Capital» [Lire le Capital, 1965], первоиздание с дарственной надписью гегельянцу: «Ильенкову, с живым уважением и в знак теоретического братства»⁴. К сожалению, встретиться братьям-философам не удалось. Ильенков подготовил большой доклад об отношении языка и мышления у Гегеля, но на конгрессе так и не появился. В этом году новый директор Института философии начал кампанию травли Ильенкова. Последова-

ла череда глубоких депрессий, которые, в конце концов, приведут философа к самоубийству.

В последние два десятилетия существования Советского Союза отношение к Гегелю было двойственным. Он был наиболее популярным и читаемым философом (не считая классиков марксизма, само собой). В 1970-е гг. выходят новые улучшенные издания всех основных трудов Гегеля за исключением «Феноменологии духа», а также — два тома «Работ разных лет», включающие ранние сочинения Гегеля и переписку. Мих. Лифшиц издаёт четырёхтомник гегелевских Лекций по эстетике. Развивается, наконец, профессиональное историко-философское исследование наследия Гегеля.

С другой стороны, в философском сообществе ширятся антигегельянские настроения. К формальным логикам, относившимся к Гегелю традиционно враждебно, примыкает теперь всё более влиятельная и многочисленная партия «субъективистов». Последние критикуют Гегеля за отождествление мышления с бытием, за «субстанциализм» (Генрих Батищев) и «онтологизацию процессов познания» (Мераб Мамардашвили), за «монологизм» (Михаил Бахтин) и т.д. Для либерально настроенных философов «гегельянщина» становится метафорой тоталитарной идеологии...

Подводя итог, можно сказать, что гегельянское течение в советском марксизме было весьма самобытным и плодотворным. Интерес к нему не пропадает и сегодня. Один за другим выходят новые тома из архива Лифшица, в том числе и сборник «О Гегеле» (2012). Издательство Brill выпустило том избранных работ Ильенкова о Гегеле на английском [Ilyenkov, 2018] — в переводе, с предисловием и комментариями Евгения Павлова (университет Денвера). Выходят архивные рукописи

⁴ «À Ilyenkov, avec la vive estime et en signe de fraternité théorique». Альтюссер передал книги через Оргкомитет конгресса. Хранится в библиотеке Ильенкова и magnum opus Альтюссера «За Маркса» [Althusser, 1965], также подписанный автором: «Э.В. Ильенкову в знак уважения и с братским почтением (en fraternel hommage)».

Ильенкова, среди которых особо стоит отметить его большой комментарий к гегелевской «Философии духа», где Ильенков впервые обращается к теме личности.

Хотелось бы выразить надежду, что труды лучших советских философов о Гегеле найдут ещё немало благосклонных читателей и у нас, и за рубежом.

Список литературы:

- Аржанов М. Гегельянство на службе германского фашизма: Критика неогегельянских теорий национализма. — Москва: Партиздат, 1933. — 152 с.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. — Москва: Педагогика, 1982. — С. 290–436.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: 6 т. Т. 3. — Москва: Педагогика, 1983 — С. 5–337.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. — Петроград: М.М. Стасюлевич, 1916.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. — Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1913. — 377 с.
- Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 1. Энциклопедия философских наук. Часть I. Логика. — Москва; Ленинград: Госиздат, 1930. — СIII, 367 с.
- Деборин А. Маркс и Гегель // Под знаменем марксизма. — 1923а. — № 8–9. — С. 5–20.
- Деборин А. Маркс и Гегель // Под знаменем марксизма. — 1923b. — № 10. — С. 5–17.
- Деборин А. Маркс и Гегель // Под знаменем марксизма. — 1924. — № 3. — С. 6–23.
- Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии (статья первая) // Вопросы философии. — 1962. — № 10. — С. 118–129.
- Ильенков Э.В. Философская тетрадь // Ильенков и Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). — Москва: Канон+, 2016. — С. 169–228.
- Ильин И.А. Философия Гегеля, как учение о конкретности бога и человека: в 2 т. — Москва: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918.
- Ленин В.И. К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена // Полное собрание сочинений. Т. 23. — М.: Партиздат, 1973. — С. 117–120.
- Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Полное собрание сочинений. Т. 45. Март 1922 – март 1923. — Москва: Партиздат, 1970. — С. 23–33.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. — Москва: Партиздат, 1968. — 525 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. Философские тетради. — Москва: Партиздат, 1969. — 782 с.
- Лифшиц М.А. О Гегеле. — Москва: Grundrisse, 2012b. — 304 с.
- Лифшиц М.А. Из автобиографии идей // Контекст 1987. Литературно-теоретические исследования. — Москва: Наука, 1988. — С. 264–318.
- Лифшиц М.А. Надрело. В защиту обыкновенного марксизма. — Москва: Искусство – XXI век, 2012а. — 574 с.
- Лифшиц М.А. Очерки русской культуры. — Москва: Академический проект; Культура, 2015. — 751 с.
- Митин М. Гегель и теория материалистической диалектики // Гегель и диалектический материализм. — Москва: Партиздат, 1932. — С. 63–99.
- Пашуканис К. Гегель и вопросы государства и нрава // Гегель и диалектический материализм. — Москва: Партиздат, 1932. — С. 214–229.
- Ральцевич В. Гегель — идеолог буржуазии // Гегель и диалектический материализм. — Москва: Партиздат, 1932. — С. 100–129.

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: страницы истории / под ред. А.П. Козырева. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 496 с.

Lire le Capital: 2 vol. / L. Althusser, J. Rancière, P. Macherey, et al. — Paris: Maspero, 1965.

Althusser L. Pour Marx. — Paris: Maspero, 1965. — 275 p.

Colletti L. Prefazione // Il'enkov E.V. La dialettica dell'astratto e del concreto nel Capitale di Marx. — Milano: Feltrinelli, 1961. — P. VII–LIX.

Ilyenkov E. Intelligent Materialism: Essays on Hegel and Dialectics / ed. and transl. by Evgeni V. Pavlov. — Boston: Brill, 2018. — 253 p. <https://doi.org/10.1163/9789004388253>

References:

Althusser, L. et al. (1965) *Lire le Capital: 2 vol.* Paris: Maspero.

Althusser, L. (1965) *Pour Marx.* Paris: Maspero.

Arzhanov, M. (1933) *Hegelianstvo na sluzhbe germanskogo fashizma: Kritika neoHegelianskikh teorii natsionalizma* [Hegelianism in the service of German fascism: Critique of Neo-Hegelian theories of nationalism]. Moscow: Partizdat Publ. (In Russian).

Colletti, L. (1961) 'Prefazione', in Il'enkov E.V. *La dialettica dell'astratto e del concreto nel Capitale di Marx.* Milano: Feltrinelli, pp. VII–LIX.

Deborin, A. (1923a) 'Marx i Hegel [Marx and Hegel]', *Pod znamenem Marxizma*, (8–9), pp. 5–20. (In Russian).

Deborin, A. (1923b) 'Marx i Hegel [Marx and Hegel]', *Pod znamenem Marxizma*, (10), pp. 5–17. (In Russian).

Deborin, A. (1924) 'Marx i Hegel [Marx and Hegel]', *Pod znamenem Marxizma*, (3), pp. 6–23. (In Russian).

Hegel, G. W. F. (1807) *Die Phänomenologie des Geistes.* Bamberg und Würzburg: Joseph Anton Goebhardt. (Russ. ed.: (1913) *Fenomenologiya dukha.* Saint Petersburg: Brokgauz-Efron Publ.).

Hegel, G. W. F. (1812) *Wissenschaft der Logik.* Nürnberg: Schrag. (Russ. ed.: (1916) *Nauka logiki: v 3 t.* Petrograd: M.M. Stasiulevich Publ.).

Hegel, G. W. F. (1817) *Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse zum Gebrauch seiner Vorlesungen.* Heidelberg: Oßwald. (Russ. ed.: (1930) *Sochineniya. T. 1. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Chast' I. Logika.* Moscow ; Leningrad: Gosizdat Publ.).

Ilyenkov, E. (2019) *Intelligent Materialism: Essays on Hegel and Dialectics.* Edited by E. Pavlov. Boston: BRILL. <https://doi.org/10.1163/9789004388253>

Ilyenkov, E. V. (1962) 'Problema ideala v filosofii (stat'ia pervaya) [Problem of the Ideal in Philosophy (Article 1)]', *Voprosy Filosofii*, (10), pp. 118–129. (In Russian).

Ilyenkov, E. V. (2016) 'Filosofskaia tetrad' [Philosophical Notebook]', in *Il'enkov i Korovikov. Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Ilyenkov and Korovikov. Passions on Theses About the Subject of Philosophy (1954–1955)]. Moscow: Kanon+ Publ., pp. 169–228. (In Russian).

Ilyin, I. A. (1918) *Filosofiya Hegelia kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka: v 2 t.* [The Philosophy of Hegel as a Doctrine of the Concreteness of God and Humanity: in 2 vol.]. Moscow: G.A. Leman i S.I. Sakharov Publ. (In Russian).

Kozyrev, A. P. (ed.) (2011) *Filosofskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova: stranitsy istorii* [The Faculty of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University: pages of history]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russian).

Lenin, V. I. (1968) *Polnoe sobranie sochinenii. T. 18. Materializm i empiriokrititsizm* [Complete Works. Vol 18. Materialism and Empirio-criticism]. Moscow: Partizdat Publ.

Lenin, V. I. (1969) *Polnoe sobranie sochinenii. T. 29. Filosofskie tetradi* [Complete Works. Vol 29. Philosophical Notebooks]. Moscow: Partizdat Publ. (In Russian).

Lenin, V. I. (1970) 'O znachenii voinstvuiushchego materializma [On the Importance of Militant Materialism]', in *Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. Mart 1922 – mart 1923* [Complete Works. Vol. 45. March 1922 – march 1923]. Moscow: Partizdat Publ., pp. 23–33. (In Russian).

Lenin, V. I. (1973) 'K dvadtsatipiatiletiu smerti Iosifa Ditsgena [To the Twenty-fifth Anniversary of the death of Joseph Ditsgen]', in *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 23 [Complete Works. Vol. 23]. Moscow: Partizdat Publ., pp. 117–120. (In Russian).

Lifshits, M. A. (1988) 'Iz avtobiografii idey [From the Autobiography of Ideas]', in *Kontekst 1987. Literaturno-teoreticheskie issledovaniia* [Context 1987. Literary and Theoretical Studies]. Moscow: Nauka Publ., pp. 264–318. (In Russian).

Lifshits, M. A. (2012a) *Nadoelo. V zashchitu obyknovennogo Marxizma* [Enough. In Defence of Ordinary Marxism]. Moscow: Iskusstvo – XXI vek Publ. (In Russian).

Lifshits, M. A. (2012b) *O Hegele* [On Hegel]. Moscow: Grundrisse Publ. (In Russian).

Lifshits, M. A. (2015) *Ocherki russkoi kul'tury* [Essays on Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; Kul'tura Publ. (In Russian).

Mitin, M. (1932) 'Hegel i teoriiia materialisticheskoi dialektiki [Hegel and the theory of materialist dialectics]', in *Hegel i dialekticheskii materializm* [Hegel and Dialectical Materialism]. Moscow: Partizdat Publ., pp. 63–99. (In Russian).

Pashukanis, K. (1932) 'Hegel i voprosy gosudarstva i nrava [Hegel and the Issues of State and Morality]', in *Hegel i dialekticheskii materializm* [Hegel and Dialectical Materialism]. Moscow: Partizdat Publ., pp. 214–229. (In Russian).

Raltsevich, V. (1932) 'Hegel — ideolog burzhuazii [Hegel — an Ideologist of Bourgeoisie]', in *Hegel i dialekticheskii materializm* [Hegel and Dialectical Materialism]. Moscow: Partizdat Publ., pp. 100–129. (In Russian).

Vygotsky, L. S. (1982) 'Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa [Historical Meaning of Psychological Crisis]', in *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1* [Collected works: in 6 vol. Vol. 1]. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 290–436. (In Russian).

Vygotsky, L. S. (1983) *Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 5. Osnovy defektologii* [Collected works: in 6 volumes. V. 5. Fundamentals of defectology]. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Майданский — доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета. 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85 (Россия); профессор Международной кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет. 127051, Москва, ул. Сретенка, 29 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Andrey D. Maidansky — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Belgorod National Research University, 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015 (Russia); Professor at the UNESCO International Chair of Cultural-Historical Psychology of Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, 29, Sretenka str., Moscow, Russia, 127051 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 11.11.2023.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication 11.11.2023.